

7. К вопросу об описании наивной семантики в курсе русского языка как неродного // Республиканский научно-методический семинар «Русский язык и литература в условиях кредитной технологии». - Алматы: Казак университеті, 2014. - С.122-126.

В.С. Ли

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(г. Алматы, Казахстан)*

К ВОПРОСУ ОБ ОПИСАНИИ НАИВНОЙ СЕМАНТИКИ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Изучение неродного языка, как известно, связано с формированием языковой (коммуникативной) компетенции. В узком смысле языковая компетенция понимается как знание единиц всех уровней языка (языковой системы) и правил использования их для построения и понимания любых речевых образований. В широком смысле под языковой компетенцией следует понимать умение общаться в реальных условиях жизнедеятельности человека. Это понятие (языковой компетенции) самоочевидное, казалось бы, по своему содержанию, тем не менее, включает в себя разные аспекты речевой и речемыслительной (дискурсивной) деятельности, в связи с чем необходимо говорить о нескольких видах коммуникативной компетенции, среди которых важнейшей является лингвопрагматическая компетенция. Под этим видом компетенции имеется в виду комплекс навыков и умений, определяющих выбор стратегии и тактики речевого поведения в конкретных ситуациях общения с целью успешной реализации коммуникативных намерений. Способы и средства реализации этих намерений национально специфичны и зависят не только от кодовых особенностей того или иного языка, но и от типа модели мира, в которой знания о действительности закрепляются в языковой семантике, вследствие чего формируется национально специфичный и культурно обусловленный образ мира, принятый называть языковой картиной мира. Она представляет собой один из видов тех картин мира, которые могут претендовать на глобальную, общую модель действительности, поскольку элементы языковой картины мира связаны через концептуальную картину мира с физической, биологической, мифологической, религиозной и т.п. картинами мира. В связи с этим некоторые лингвисты внутри языковой картины мира выделяют «наивную физику», «наивную геометрию», «наивную анатомию», «наивную психологию», и т.д. (здесь «наивный» = языковой). Термины «наивная картина мира», «наивная семантика» используются не столько для того, чтобы подчеркнуть отличие языковой картины мира от научной (точнее – общенаучной) картины мира, сколько для того, чтобы подчеркнуть национальное своеобразие каждого языка, идиоэтнический характер представления в нем действительности. Понятно, что овладение другим языком

– это не только овладение новым языковым кодом, но и новым типом языковой концептуализации действительности, новым типом организации содержательной стороны языка. Национально-культурное своеобразие, проявляющееся в наивной картине мира, в наивной семантике языка, обуславливает особый тип знания, особое видение мира, присущее определенному народу, поэтому «...логичным и естественным видится переход от анализа национального своеобразия языка к анализу национального своеобразия знания о мире, системы ценностей и норм поведения как основных составляющих языкового менталитета по данным языка» [1, с. 157]. Понятно, что у каждого языка не только свой «покрой», но и свое видение мира.

Это видение мира, проявляющееся в языковой концептуализации и в наивно-языковой семантике, представляется такой же реальностью, как и сам внешний мир, поскольку оно (языковое видение мира) формируется системой знаний и процессами речемыслительной деятельности человеческого сознания. Поэтому сугубо ономаσιологический (принцип: от предметов и явлений действительности к обозначению их языковыми средствами) и семасиологический (принцип: от языковых средств к обозначаемым ими вещам) подходы в лингвистической семантике, оперирующие упрощенно-объективистскими процедурами, не могут объяснить многие глубинные, скрытые от предварительного и поверхностного анализа процессы, связанные с языковым значением. Современные принципы исследования содержательной стороны языка, сформировавшиеся прежде всего в рамках когнитивной парадигмы, открывают более широкие научные перспективы, нежели традиционные ономаσιологический и семасиологический подходы к анализу лексического и грамматического значений. Расширение проблематики лингвистической семантики за счет включения в нее категорий знания и речевого мышления заставляют изменить и само представление о природе языкового значения. В основе такого представления лежит понимание семантики как феномена, с помощью которого человек овладевает миром и интерпретирует его. С другой стороны, смещение исследовательского интереса с поиска концепта, лежащего в основе лексического и грамматического значения, к анализу самого концепта, к установлению его системной организации на базе тех знаний о мире, которые репрезентируются в семантике слова и в его грамматических категориях, способствовало более точному и глубокому проникновению в природу языкового значения и представлению его в лингвистических описаниях, прежде всего в тех, в которых решаются лингводидактические задачи. Концептуальный анализ раскрывает языковое видение мира, идиоэтнический характер организации семантики отдельного языка и присущий лишь ему тип знаний о мире.

Наивно-языковая картина мира, мотивированная семантикой языка, прежде всего лексической семантикой, соотносится с концептуальной картиной мира и тесно взаимодействует с ней, что дало, как уже отмечалось выше, основание говорить о наивных «отраслях» языкового знания в виде наивной физики, наивной геометрии, наивной анатомии и т.п. Поэтому стало очевидным, что для лингвистики актуальной становится задача описания и

объяснения не собственно значения как такового, а особенностей языковой концептуализации мира, передающихся в наивной семантике слова и его грамматических категориях.

К примеру, такие характеризующиеся абсолютными параметрами физические понятия, как «постоянно», «весь» и т.п., в языковой семантике не обязательно связываются с такими же абсолютными величинами, что можно установить из анализа диагностических контекстов, в которых употребляются соответствующие лексемы *постоянно*, *весь* и т.п.

Концепты «постоянно», «весь» в русском языковом сознании формируются с помощью так называемых семантических фильтров, которые собственно физический континуум представляют в языке в дискретном виде, т.е. *постоянно* – ‘не прекращая, хотя и с перерывами, в пределах определенного континуума, ограниченного временными рамками’, например: *Я постоянно напоминал ему об этом; Он бежал и постоянно оглядывался назад; Ира теперь постоянно живет в Нижнем Тагиле, снимая квартиру* (из газет). С другой стороны, то, что в физическом мире действительно является постоянным, не всегда фиксируется в лексическом значении слова *постоянно*, поэтому не совсем корректны высказывания типа *Земля постоянно вращается вокруг Солнца; Человек постоянно дышит легкими; Через село постоянно протекает речка*.

Относительная некорректность приведенных и им подобных высказываний объясняется действием законов семантической конгруэнтности, которые требуют, помимо соблюдения правил смыслового согласования, нейтрализации смысловой избыточности, или семантической тавтологии. Тавтологичность приведенных фраз вызвана взаимодействием лексического значения слова *постоянно* и грамматической семантики временной формы глагола (значения настоящего неактуального, т.е. настоящего постоянного, вневременного действия или состояния), их «наложением» друг на друга в пределах одного высказывания. Это еще раз подтверждает положение об единстве семантики, лексического и грамматического значений, об их одинаковой природе и функциональной однородности при языковой концептуализации действительности. Чтобы сделать такие высказывания семантически отмеченными и логически непротиворечивыми, необходимо упразднить тавтологичность или лексическим путем, убрав из фраз слово *постоянно* (*Земля вращается вокруг Солнца, Человек дышит легкими, Через село протекает речка*), или грамматическим, использовав глагольную форму в значении настоящего актуального или настоящего конкретного действия (*Из-за плохой вентиляции в помещении мы постоянно дышим отравленным воздухом, В селе постоянно засоряют речку*).

Концепт «весь» содержит такой семантический ограничитель, как ‘объем, взятый в качестве представителя чего-либо целого и поэтому самодостаточного’: *Вся группа на занятиях, а вы почему стоите в коридоре? Весь мир говорит об этом. Все окно заставлено было цветами*. Кроме того, лексема *весь* даже в тех случаях, когда она обозначает, казалось бы, действительно полный объем, обязательно требует ограничения этого объема

перечнем его составляющих, как можно заметить в таких контекстах: *Все льготы и привилегии чиновника надо отменить. Из собственного кармана он должен платить за дачу, путевки на отдых, сотовую связь и другие необходимые ему услуги. Такой подход будет выгоден всем: и государству, получающему шанс серьезно сэкономить на расходах по содержанию госаппарата, и чиновникам, вынужденным сегодня поголовно искать «левые» пути обогащения* (газ. «Известия»). Ясно, что словарные дефиниции, использующие такие семантические компоненты, как ‘взятое в полном объеме; полностью; целиком, без исключения’ (см., например, МАС [2, с.]), отражают скорее физическое представление о данном концепте, нежели языковое. О том, что *весь* не обязательно обозначает ‘в полном объеме, без исключения’, свидетельствуют сочетания его с актуализаторами неполного объема: *Собралась вся семья, кроме двух не приехавших дочерей; Почти весь год мы жили без света в квартире; Вся деревня, исключая больных и стариков, вышла с утра в поле.*

Особый интерес для концептуального анализа представляют сочетания *весь* с предложениями-актуализаторами *без исключения, за исключением, исключая*. Очевидно, что такие сочетания семантически отмечены и синтаксически правильны, тем самым они подтверждают отсутствие в языковом концепте «весь» значения ‘в полном объеме’, иначе конструкция «весь без исключения» была бы тавтологичной, а «весь за исключением (исключая)» - алогичной. Как можно заметить, физические явления постоянства и полного объема в языковой семантике ограничены когнитивными представлениями о временных рамках и объемно-количественной самодостаточности. Подобные тонкости наивной семантики слова, связанные с языковой концептуализацией мира, необходимо учитывать и в лексикографических описаниях, предназначенных для изучающий русский язык как иностранный.

Более сложно этноцентричный характер организации наивной семантики проявляется в грамматическом строе языка, в системе его грамматических категорий. Особую трудность для иностранцев и для тех, для которых русский язык является неродным, представляют семантика и прагматика тех грамматических категорий, которые, по замечанию А.А. Потебни, носителями русского языка воспринимаются лишь «как форма», но для иностранцев «являются содержанием, которое требует каждый раз нового усилия мысли» [3, с. 38]. Такого «усилия мысли» требует и само описание подобных грамматических категорий для практики преподавания русского языка как неродного. Вполне очевидно, что это описание непременно должно быть семантико-прагматическим, учитывающим национально-культуру специфику речевого мышления носителей языка. Подобное лингводидактическое требование необходимо соблюдать особенно при изучении грамматических категорий глагола, прежде всего категорий вида, времени и наклонения, специфичных как в формальном, так и в содержательном отношении.

Итак, приведенный небольшой фрагмент описания семантики и прагматики лексических и грамматических единиц русского языка показывает, что лексико-семантический грамматический строй языка представляет собой не

строго фиксированную формальную систему кодовых правил, а «систему правил для порождения и интерпретации осмысленных высказываний» [4, с. 44]. Добавим также, что речь идет о таких осмысленных высказываниях, которые соответствуют интенции говорящего и типу речевого акта, т.е. прагматическим установкам участников коммуникативной ситуации. Такой подход к грамматической семантике и к наивной семантике в целом позволяет приспособить теоретико-лингвистические штудии и их конкретные реализации к потребностям лингводидактики, в том числе и преподавания русского языка как неродного.

Литература

1. Радбиль Т.В. Основы изучения языкового менталитета.: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский дом «Азбуковник», 2008.
3. Потебня А.А. Из Записок по русской грамматике. Том I-II. - М.: Учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
4. Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под. ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Сведения об авторе

Ли Валентин Сергеевич,
доктор филол. наук, проф. кафедры русской филологии Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан).
Дом. адрес: Казахстан. 005002, г. Алматы, ул. Жургенова, 8, кВ. 47.
Дом телефон: 3977251 (код Алматы:727).
e-mail: li-vs@mail.ru

Секция: 1. Преподавание русского языка в неязыковом вузе: подходы и методы обучения, учебно-методическое сопровождение.

ло
**К ВОПРОСУ ОБ ОПИСАНИИ НАИВНОЙ СЕМАНТИКИ В КУРСЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО**

В статье рассматриваются некоторые вопросы лингводидактики, связанные с изучением семантики и прагматики грамматических категории русского языка. Изучение неродного языка связано с формированием языковой (коммуникативной) компетенции. В узком смысле языковая компетенция понимается как знание единиц всех уровней языка (языковой системы) и правил использования их для построения и понимания любых речевых образований. В широком смысле под языковой компетенцией следует понимать умение общаться в реальных условиях жизнедеятельности человека. Это понятие (языковой компетенции) самоочевидное, казалось бы, по своему содержанию, тем не менее, включает в себя разные аспекты речевой и речемыслительной (дискурсивной) деятельности, в связи с чем необходимо говорить о нескольких видах коммуникативной компетенции, среди которых важнейшей является лингвопрагматическая компетенция. Под этим видом компетенции имеется в виду комплекс навыков и умений, определяющих выбор стратегии и тактики речевого поведения в конкретных ситуациях общения с целью успешной реализации коммуникативных намерений. Способы и средства реализации этих намерений национально специфичны и зависят не только от кодовых особенностей того или иного языка, но и от типа модели мира, в которой знания о действительности закрепляются в языковой семантике, вследствие чего формируется национально специфичный и культурно обусловленный образ мира, принятый называть языковой картиной мира. Она представляет собой один из видов тех картин мира, которые могут претендовать на глобальную, общую модель действительности, поскольку элементы языковой картины мира связаны через концептуальную картину мира с физической, биологической, мифологической, религиозной и т.п. картинами мира. Такие картины мира называют также наивной картиной мира. Термин «наивная семантика» используют для того, чтобы подчеркнуть национальное своеобразие каждого языка, идиоэтнический характер представления в нем действительности. Понятно, что овладение другим языком – это не только овладение новым языковым кодом, но и новым типом языковой концептуализации действительности, новым типом организации содержательной стороны языка. Национально-культурное своеобразие, проявляющееся в наивной картине мира, в наивной семантике языка, обуславливает особый тип знания, особое видение мира, присущее определенному народу.

O THE QUESTION OF THE DESCRIPTION OF NAIVE SEMANTICS IT IS AWARE OF RUSSIAN AS NONNATIVE

In article some questions of a lingvodidaktika connected with studying of semantics and pragmatics grammatical categories of Russian are considered. Studying of nonnative language is connected with formation of language (communicative) competence. In narrow sense language competence is understood as knowledge of units of all levels of language (language system) and rules of their use

for construction and understanding of any speech educations. In a broad sense it is necessary to understand ability to communicate in actual practice activity of the person as language competence. This concept (language competence) axiomatic, apparently, according to the contents, nevertheless, includes different aspects of speech and rechemyslitelny (diskursivny) activity in this connection it is necessary to speak about several types of communicative competence among which the major is lingvopragmaticchesky competence. Under this type of competence the complex of the skills and abilities defining a choice of strategy and tactics of speech behavior in concrete situations of communication with the purpose of successful realization of communicative intentions means. Ways and implementers of these intentions are national specific and depend not only on code features of this or that language, but also on world model type in which knowledge of reality is enshrined in language semantics owing to what national specific and culturally caused image of the world accepted to call a language picture of the world is formed. It represents one of types of those pictures of the world which can apply for global, general model of reality as elements of a language picture of the world are connected through a conceptual picture of the world with world pictures physical, biological, mythological, religikozny, etc. Such pictures of the world are called also naive picture of the world. The term "naive semantics" is used to emphasize a national originality of each language, idioetnichesky nature of representation of reality in it. It is clear that acquisition of other language is not only mastering a new language code, but also new type of language conceptualization of reality, new type of the organization of the substantial party of language.